

П. А. Афанасьев

Информационная борьба против земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в журнальной прессе 1911–1912 гг. *

В начале XX в. русская периодика под влиянием модернизационных процессов претерпела масштабные изменения, усилившие значение прессы как современного средства массовой информации и коммуникационного механизма. Под влиянием первой русской революции произошло количественное увеличение периодики и её политическая дифференциация. Большое значение стали приобретать газеты, несколько оттеснив «толстые журналы». Как и ранее, власть продолжала испытывать страх перед растущим влиянием прессы, позволявшей себе критиковать высшие должностные лица и учреждения, а иногда и самые основы нравственного и гражданского порядка в обществе¹. По мнению начальника Главного управления по делам печати в 1905–1912 гг. А. В. Бельгарда, власть вполне понимала значение прессы, «нежелательное влияние которой составляло предмет особого беспокойства русского правительства»². Особую опасность представляло восприятие печатного слова русскими читателями, «у которых вкоренилось твердое убеждение, что уж если что напечатано в газете, значит, это верно»³. В условиях чрезмерного накала общественно-политической жизни страны эти особенности периодики начала XX в. делали актуальными многие темы. Одной из острых проблем, связанной к тому же с российской монархией, оказалась тема земельной политики Кабинета Его Императорского Величества (далее – Кабинет), активно поднимавшаяся в прессе в конце первого и начале второго десятилетий XX в.

Крупнейшим сосредоточением владений Кабинета являлся Алтайский округ. Земельная политика ведомства в регионе к концу первого десятилетия XX в. утрачивала внутриведомственный характер и, выводя округ из замкнутого состояния, превращалась в крупную общественную проблему. К 1910–1911 гг. земельная отрасль в хозяйстве Кабинета в Алтайском округе заметно укрепила свои позиции, превратившись наряду с лесной отраслью в главную сферу управленческого воздействия ведомственного руководства.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-22002а/Т

¹ Дергачева Л. Д. Периодика // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. М., 2011. С. 294, 304–305.

² Бельгард А. В. Воспоминания. М., 2009. С. 267.

³ Там же.

Афанасьев Павел Алексеевич, канд. ист. наук, старший преподаватель Алтайской государственной педагогической академии. E-mail: pavel_afanasev@mail.ru

© П. А. Афанасьев, 2012

Этому способствовало вступление в завершающую стадию землеустроительной реформы в округе, окончание притока основной массы переселенцев в регион и укрепившаяся уверенность руководства Кабинета в том, что земля может выступать дополнительным источником дохода, получаемого от региона. Однако наблюдавшееся после 1907 г. ужесточение хозяйственной политики Кабинета в Алтайском округе с целью защиты ведомственных интересов вызвало волну общественного неприятия, нашедшую отражение в том числе на страницах газетной и журнальной периодики.

Активное и продолжительное изучение исследователями общероссийской и сибирской прессы предвоенного периода начала XX в. сформировало относительно полные представления об общих характеристиках развития прессы (С. Я. Махонина, Л. Д. Дергачева, Б. И. Есин и др.) и её идейно-политических направлениях (А. А. Толочко, О. А. Харусь, Ю. А. Толочко, Т. В. Чибикина и др.). Нередко при изучении конкретных проблем авторы рассматривали отношение к ним со стороны прессы. Применительно к земельной политике Кабинета на Алтае в начале XX в. это было сделано Г. П. Жидковым, отметившим исключительно критический характер публикаций, что подтверждало данную им отрицательную оценку региональной ведомственной политики¹. Значительно продвинувшееся её изучение в работах Т. Н. Соболевой, М. О. Тяпкина, П. А. Афанасьева, А. Е. Кухаренко привело к признанию за Кабинетом собственных хозяйственных интересов и эволюции их реализации в начале XX в. В отношении критических публикаций прессы данный «кабинетоцентристский» подход смещает прежние исследовательские акценты в сторону изучения реакции Кабинета и управления округа на материалы периодики, способствуя раскрытию механизмов проведения ведомственной политики в регионе. Настоящая публикация, продолжая уже предпринятое нами краткое обращение к частному сюжету заявленной темы², посвящена анализу информационной борьбы журнальной периодики и ведомственного руководства как одного из направлений деятельности Кабинета по защите своего хозяйственного курса в Алтайском округе.

Публикации критического и разоблачающего характера о деятельности Кабинета в Алтайском округе в журнальном секторе периодической печати были единичны на протяжении всего предшествующего времени внимания прессы к региону. Ведущая роль в освещении острых проблем ведомствен-

¹ Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917). Новосибирск, 1973. С. 232–237.

² Афанасьев П. А. Печать как форма общественной реакции и ведомственной защиты хозяйственной политики Кабинета Е.И.В. в Алтайском округе в начале 1910-х гг. // Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействия и конфликты (XVII – начало XX века): тезисы Всерос. науч. конф. [Электрон. дан.]. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/afanasyev-pa.htm>, свободный (5 мая 2012).

ного сектора округа принадлежала газетам, массовые разоблачения которыми «горного мира» пришлось на начало 80-х гг. XIX в. Очередной всплеск интереса прессы к региональным кабинетским проблемам на рубеже первого и второго десятилетий XX в. также был связан с сибирской и отчасти столичной газетной периодикой. В 1910–1911 гг. в газетах всех уровней прошла массовая волна статей и заметок, касавшихся частных случаев проведения Кабинетом землеустройства на Алтае. В них на конкретных примерах авторы демонстрировали многочисленные факты нарушений землеустроительными чинами законодательных и процедурных норм. Все эти публикации подводили читателей к причинам подобных действий, сводимых авторами к негативной оценке Кабинета и администрации Алтайского округа, всячески стремившихся ущемить интересы населения в пользу ведомственной выгоды путем принудительного формирования арендного фонда земель за счет отрезков от землеустройства. Однако характер газетных публикаций, описывавших преимущественно единичные случаи и факты, позволял делать указанные выводы только на основе неоднократных обращений к теме. Характерной чертой газетной критики земельной политики Кабинета являлось то, что региональные ведомственные структуры очень редко реагировали на появлявшиеся в печати факты, сообщая о них петербургскому руководству и лишь по некоторым из них проводя служебные расследования¹.

На фоне преимущественно газетного внимания к проблемам Алтайского округа любопытным явлением выглядит интерес журналов к данной теме, возникший на рубеже 1911–1912 гг. Скорее всего, он может быть объяснен процессами эволюции, происходившими в системе российской периодики в начале XX в. В условиях увеличения спроса на газеты, предоставлявшие оперативную информацию, политизации прессы в период революции 1905–1907 гг., характер «толстых» журналов, преобладавших до начала XX в., менялся с энциклопедического на публицистическое направление. Но если в острые периоды общественных потрясений журнал «обычного русского типа» в силу медлительности был оттеснен газетами, то в период затишья, «когда настало время углубленного анализа пережитых революционных бурь», этот тип журнала вновь занял свое место в системе журналистики. Усложнившаяся общественная жизнь требовала от редакций широкого обобщающего освещения, развернутых комментариев, то есть именно того, к чему был хорошо приспособлен толстый журнал².

Однако одна из первых журнальных публикаций о земельной политике Кабинета в Алтайском округе появилась на страницах официального издания. В конце 1911 г. в журнале «Дальневосточное обозрение» вышла статья,

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3853. Л. 1.

² Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2002. С. 126–128.

анализировавшая землеустроительную политику государства в Сибири. Отдельная часть статьи была посвящена резкой критике земельной политики Кабинета в Алтайском округе¹. Периодический сборник, издававшийся Главным управлением по делам печати, по своей программе должен был представлять материалы прессы, «сведенные... на подобие журнальных статей», по проблемам политической и экономической жизни Дальнего Востока, в том числе для «наилучшего осведомления правительства»². Рассматриваемая публикация не выходила из общего ряда всех статей журнала и была полностью составлена из пересказа и цитирования материалов газетных статей, сгруппированных вокруг ряда проблем землеустройства в Алтайском округе. В совокупности автором публикации было использовано 26 статей из десяти преимущественно региональных периодических изданий («Сибирская жизнь», «Жизнь Алтая», «Сибирские вопросы», «Алтайская газета»). Автором были привлечены только «свежие» статьи, вышедшие во второй половине 1911 г. Публикация представляла их обзор-пересказ с резко обозначенной в самом начале ведущей тенденцией. Особенностью статьи было то, что все обвинения в адрес Кабинета также были взяты из задействованных автором газет и не являлись его выводами. Все это лишь подчеркивало широкий общественный резонанс затронутых проблем.

Уже в начале статьи очень подробно и четко были описаны основные обвинения в адрес алтайской политики Кабинета. Их лейтмотивом стала мысль о том, что «в политике округа преобладал принцип, противоположный интересам населения», заключавшийся в установлении «сверх-коммерческого характера хозяйственной эксплуатации земель в округе». Полтора десятка фактов, приведенных в публикации, раскрывали эти обвинения в более мелкие составные проблемы. В поле зрения автора попали: проблема изъятия наделов и угодий крестьян при землеустройстве, превращение их в доходные для Кабинета арендные статьи с постоянным ростом платы, нежелание округа обеспечивать крестьян лесом при землеустройстве, ограничение землепользования городов Алтая, передача переселенцам неудобных земель, а также описание крестьянских волнений в селе Павловском 31 мая 1911 г. Затронутые факты не отличались новизной постановки и представляли традиционный перечень проблем, уже несколько лет фигурировавший в прессе и ведомственной делопроизводственной переписке. Кроме того, приведенные факты, затрагивавшие преимущественно методы осуществления землеустройства, позволили напрямую обвинить Кабинет в нарушении законов с целью соблюдения «интересов самого округа». Это подкреплялось достаточно едким выво-

¹ К вопросу о землеустройстве в Сибири // Дальневосточное обозрение. 1911. № 15. С. 43–52.

² Дальневосточное обозрение. 1911. № 15. С. 1 (вклейка); Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 2.

дом: «Управление Кабинета весьма бережливо относится к находящимся в его ведении землям»¹. В итоге, у читателей не должно было остаться сомнений в резко обозначенной в начале статьи негативной характеристике ведомственной земельной политики. Этот вполне ожидаемый эффект был отмечен даже высшими сановниками: «Все это лишь выдержки из газет, но редакционные замечания автора статьи подчеркивают их и придают им характер полной и несомненной достоверности»².

Публикация «Дальневосточного обозрения» подвела своеобразный итог антикабинетским статьям в прессе. Но в отличие от газетных статей она не ставила главной целью информирование читателей о негативных фактах. Статья «Дальневосточного обозрения» через подачу единичных фактов вывела обвинения Кабинета к широким обобщениям. Учитывая специализированный характер журнала, а также его преимущественное распространение среди высших сановников государства, можно предположить прямой расчет публикации на широкую огласку обвинения Кабинета во властных сферах разного уровня. До этого острые межведомственные недовольства Кабинетом по конкретным случаям не выходили за рамки делопроизводственной переписки, примером чего может быть полемика заведующего Алтайским переселенческим подрайоном М. В. Шкуновым с руководством Алтайского округа в 1909–1910 гг. по поводу отказа окружного начальства в передаче уже обследованных земель под нужды переселения³. Поэтому появление статьи в «Дальневосточном обозрении» не только открывало новый этап в публикациях прессы об Алтайском округе, но и предлагало проблему к широкому обсуждению.

Информационная опасность опубликованной статьи и всего номера журнала сразу же была осознана начальником переселенческого управления ГУЗиЗ Г. В. Глинкой. Уже 11 января 1912 г. он инициировал письмо министру внутренних дел А. А. Макарову, в котором содержалась критика деятельности «Дальневосточного обозрения» за несоответствие «целям и характеру правительственного органа». В числе обвинений в адрес журнала фигурировал упрек за резкую и тенденциозную критику Кабинета, «каковая, даже и в частном издании, не могла бы быть признана приличной». Автор письма указывал на односторонний подбор фактов в публикации и особо отметил доступность сборника из-за его низкой цены. Поэтому в качестве единственного выхода из сложившегося недовольства деятельностью жур-

¹ *К вопросу о землеустройстве в Сибири*. С. 44–50.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 3 об.

³ Подробнее см.: *Афанасьев П. А., Пожарская К. А.* Формирование колонизационного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // *Экономическая история Сибири XX – начала XXI века*. Барнаул, 2009. С. 81–83.

нала в письме было предложено «прекратить дальнейшее печатание этого сборника»¹. Месяц спустя, 7 февраля, Г. В. Глинка в частном письме управляющему Кабинетом Е. Н. Волкову обратил его внимание на публикацию в «Дальневосточном обозрении» как на собрание «всех выпадов и инсинуаций левой печати против Кабинета Его Величества, ГУЗиЗ и продовольственной части МВД». Сообщая также об отправленном А. А. Макарову письме, Г. В. Глинка, очевидно, рассчитывал на поддержку Е. Н. Волковым требования закрыть журнал, который «охотно раскупается». Скорее всего, Г. В. Глинка понимал, что главная опасность заключалась не в возможности широкого распространения номера журнала, а в его потенциальной информационной опасности. Он сумел верно передать характер произошедшего изменения в антикабинетской критике, последовавшей после издания статьи в «Дальневосточном обозрении»: многочисленные газетные сообщения, «будучи рассеяны по сибирским газетам, едва ли привлекли бы такое внимание публики к бедному печатаемому там вздору как теперь, будучи собранным в «правительственном» издании»². Именно это стало главной темой частного письма Г. В. Глинки к Е. Н. Волкову, написанного по инициативе А. В. Кривошеина, запретившего своему подчиненному официальные сношения с руководителем Кабинета по возникшей проблеме.

Под воздействием этого обращения частного характера уже 10 февраля 1912 г. Е. Н. Волковым было составлено письмо А. А. Макарову. Руководитель Кабинета поддержал Г. В. Глинку в несовместимости опубликованной статьи с официальным характером журнала. Очевидно, Е. Н. Волков также осознал информационную опасность опубликованных фактов, заявив: «Я не могу не придавать очень большого значения их помещению в официальном издании для широких слоев публики». При этом негодование управляющего Кабинетом вызвал способ подготовки критических материалов к печати, не сопровождавшийся со стороны редакции наведением каких-либо справок в Кабинете и управлении Алтайского округа, что, по мнению Е. Н. Волкова, отражало «намеренную тенденциозность печатания таких известий». Вследствие этого важнейшей задачей руководитель Кабинета считал опровержение опубликованной информации, что он вкратце сделал уже в письме А. А. Макарову. Поэтому жесткое требование Г. В. Глинки о закрытии журнала не было поддержано напрямую, и Е. Н. Волков просил лишь «категорически запретить» в части, касающейся Кабинета, публикацию в «Дальневосточном обозрении» обещанного его редакцией продолжения статьи. Однако после получения личных извинений со стороны начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда это письмо сменило адресата и было

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 2 об. 4 – 4 об.

² Там же. Л. 1 – 1 об., 5.

отправлено на его имя¹. Тем не менее, очередной номер «Дальневосточного обозрения» не только был издан, но и поместил анонсированную вторую часть статьи, содержащую, в том числе, информацию о землеустройстве инородцев Горного Алтая. Эта проблема рассматривалась в контексте всей Сибири, поэтому каких-либо резких нападок на Кабинет статья не содержала².

Вполне вероятно, что руководство Кабинета и Алтайского округа еще до частного указания со стороны Г. В. Глинки также обратило внимание на публикацию в «Дальневосточном обозрении». Но в отличие от категоричного требования начальника Переселенческого управления о закрытии журнала, руководство Кабинета, по-видимому, сразу же решило возможным вступить в начавшуюся информационную борьбу. Возможно, управляющий Кабинетом расценивал закрытие журнала как косвенное подтверждение правоты напечатанной в нем информации, поэтому публикация опровержения рассматривалась как более приемлемый вариант, позволявший отстоять официальную точку зрения ведомства и самой готовностью к ответу защитить Кабинет. Уже 20 февраля 1912 г. начальник Алтайского округа В. П. Михайлов составил в редакцию «Дальневосточного обозрения» просьбу опубликовать опровержение на статью, объясняя свое требование наличием в ней «вымысла» и не соответствующих действительности выводов. Просьба и опровержение, составленное В. П. Михайловым и заведующим Алтайским землеустройством П. М. Юхневым, сначала были отправлены в Кабинет, где присланный вариант текста был подвергнут корректировке. Лишь 24 апреля 1912 г. Е. Н. Волков просил нового руководителя Главного управления по делам печати С. С. Татищева опубликовать опровержение в ближайшем номере журнала³.

Дальнейшее развитие событий по информационному опровержению журнальной публикации пошло не по сценарию Кабинета. В ответ на просьбу Е. Н. Волкова С. С. Татищев сообщил ему о прекращении издания «Дальневосточного обозрения»⁴. В этой ситуации Е. Н. Волков, к тому времени уже зарекомендовавший себя ярким защитником интересов Кабинета, очевидно, не считал возможным прекратить начатое дело. Однако, полностью перейдя в руки Кабинета, информационное опровержение утратило присущий ему вначале динамизм. Очевидно, на это повлияло издание новых критических статей в журнальной периодике и вызванный ими запрос депутатов Государственной думы министру внутренних дел по вопросам землеустройства в

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 61–63.

² *К вопросу о землеустройстве в Сибири. Часть II. Поземельное устройство инородцев // Дальневосточное обозрение. 1912. № 1 (16). С. 6–14.*

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 10, 60.

⁴ Там же. Л. 746.

Алтайском округе. В мае исправленный в Кабинете первоначальный текст опровержения был только отправлен для ознакомления В. П. Михайлову, и лишь 22 августа 1912 г., почти через восемь месяцев после выхода статьи, последовало распоряжение Е. Н. Волкова начальнику Алтайского округа о печати опровержения в виде отдельной брошюры. В конце октября 1912 г. изданный очерк «К вопросу о землеустройстве на Алтае и земельной политике Кабинета Его Величества» был выслан из Барнаула в Петербург. Еще несколько месяцев потребовалось для подготовки к рассылке опровержения подписчикам журнала «Дальневосточное обозрение», среди которых были только «правительственные лица и учреждения» и совсем отсутствовали частные подписчики. Лишь в первой половине мая 1913 г. затянувшаяся эпопея с опровержением статьи была завершена рассылкой изданной брошюры всем подписчикам давно закрытого журнала. 186 из 200 изданных экземпляров получили высшие государственные учреждения, часть сенаторов, членов Государственного совета и Государственной думы, представители правительственных структур, губернаторы Сибири и Дальнего Востока, а также научные общества, библиотеки и редакции некоторых газет¹.

Информационное содержание брошюры-опровержения нельзя оценить однозначно. По сравнению с журнальной статьей она была построена на иных принципах. В отличие от статьи «Дальневосточного обозрения», критиковавшей политику Кабинета через конкретные примеры, авторы брошюры опровергли их в самом начале в виде перечня. Основное содержание было сосредоточено на анализе ключевых проблем землеустроительной политики на Алтае, поднятых в статье, и не совпадало с предложенной в ней сюжетной канвой. Не касаясь мелких частных примеров, авторы брошюры опровергали выдвинутые обвинения, апеллируя к нормам землеустроительного закона и общим количественным показателям землеустройства. Ряд высказываний в тексте свидетельствовал, что окружная администрация защищала, скорее, формальные критерии и показатели процедуры землеустройства, косвенно опровергая ими главное обвинение в игнорировании интересов населения. Доказывая соблюдение всех требуемых норм, опровержение сводилось к простой мысли, что «при таких условиях обвинения Кабинета... лишены всякого основания»².

Для доказательства этого тезиса авторы брошюры стремились показать закономерность многих проблем, возникших в ходе землеустройства на Алтае. Большая их часть была вызвана несовпадением традиционных представлений крестьян о характере и объемах землепользования с нормами закона.

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 76, 80а, 87, 124–126, 133 – 136 об., 139, 142 об. – 150.

² *К вопросу о землеустройстве на Алтае и земельной политике Кабинета Его Величества.* Барнаул, 1912. С. 4.

Опираясь итоговыми данными, авторы брошюры доказывали, что «отводы крестьянам велики», подтверждая это средним размером надела на «среднюю семью» (55–75 дес.). Авторы сумели также передать неприятие ведомством этого положения, поскольку «в сущности, это раздача поместий, а не трудовых наделов»¹. Результатом такой политики стало исчерпание к 1910 г. земельного фонда Кабинета в округе, что автоматически снимало с Кабинета другое обвинение в намеренном не предоставлении земель переселенцам. Логика аргументации брошюры частично повторяла идеи, при помощи которых начальник округа В. П. Михайлов отстаивал перед высшим начальством необходимость исключительной защиты ведомственных интересов округа. В частности, в брошюру перекочевал тезис о тяжелых условиях для проведения землеустроительных и переселенческих работ в 1910–1911 гг. При этом в брошюре недвусмысленно намекалось, что руководство Кабинета и округа выступает против «нелепой раздачи из филантропии чужих владений»², что подчеркивало жесткий курс ведомства в земельной политике и тем самым косвенно доказывало одно из главных обвинений в адрес ведомства – коммерческие цели наступления на права населения. Наличие в брошюре нескольких подобных намеков, малочисленность фактического материала и подчас явное саркастическое отношение к высказываниям из статьи «Дальневосточного обозрения» делали аргументацию авторов брошюры слабее по сравнению с опровергаемой статьей. Поэтому значение брошюры состояло не только в опровержении критики, но и в открытом заявлении позиции окружной администрации по проводимой земельной политике.

Информационная борьба двух публикаций открыто обозначила принципиальное расхождение общественного и ведомственного взгляда на проблемы землеустроительной политики в Алтайском округе. Новизна статьи «Дальневосточного обозрения» заключалась в том, что через призму критики политики Кабинета на первое место поднималась проблема её социальных последствий. Именно этот аспект становился главным для населения Алтая по мере завершения землеустроительных работ. Поэтому предпринятая публикация стала важнейшим проявлением одного из методов общественной реакции на сложившуюся ситуацию. Но недостаток статьи состоял в том, что автор, встав на безусловную поддержку позиции населения, даже не пытался понять наличие интересов у другой стороны – Кабинета. Это не осталось незамеченным в брошюре, когда при описании причин недовольства населения проводимой политикой авторы отметили, что «к рассказам крестьян о разных обидах при землеустройстве надо относиться с осторожно-

¹ *К вопросу о землеустройстве на Алтае.* С. 9.

² Там же. С. 20.

стью»¹. Это совпадало и с позицией Е. Н. Волкова, полагавшего, что при проведении землеустройства в густонаселенных районах «разговоров о мнимых обидах можно печатать очень много»². В делопроизводственных документах Кабинета, относящихся к этому времени, большое внимание уделялось способам защиты ведомственных финансово-хозяйственных интересов в округе при явном неприятии социальной стороны проблемы. Поэтому критическая статья задела самое уязвимое звено в его политике. Публикации обозначили принципиальное расхождение не только в оценке, но и точке зрения на одну и ту же проблему в силу различных целей, стоявших перед авторами. Поэтому изначально статья «Дальневосточного обозрения» не закладывала основу для полноценного диалога, а давала возможность лишь начать взаимообвиняющую полемику.

В этой ситуации появление ответной реакции со стороны кабинетского ведомства было значительным достижением, но заведомо без особых последствий. Для авторов ответной брошюры статья стала не объектом полемики, а вынужденным поводом для общественной актуализации своей политики. Опровержение появилось спустя полтора года после появления вызвавшего его информационного повода, делая невыгодным для Кабинета отсроченное напоминание об обвинениях в свой адрес. Однако рассылка брошюры только подписчикам-учреждениям и высшим сановникам лишала рядовых покупателей номера «Дальневосточного обозрения» возможности ознакомиться с опровержением. Такой характер распространения брошюры снимал возможность лишнего напоминания широким слоям общества об обвинениях в отношении Кабинета, но при этом не способствовал и широкой защите земельной политики ведомства. Поэтому выступление Кабинета в информационной борьбе против «Дальневосточного обозрения» оказалось подобным холостому выстрелу.

Почти одновременно со статьёй в «Дальневосточном обозрении» в 1911–1912 гг. в журнальной печати появилась серия статей с резкой негативной характеристикой земельной политики Кабинета на Алтае. Их автором, скрывавшимся под инициалами М. С., был М. Соколов, адвокат жителей Алтайского округа в судебных делах против Кабинета. Первая его публикация появилась в июле 1911 г. в журнале «Сибирские вопросы», органе сибирских депутатов Государственной думы³. Вторая статья автора, отличавшаяся значительным объемом, была опубликована в журнале «Русское богатство» в январе 1912 г.⁴ Новая

¹ *К вопросу о землеустройстве на Алтае*. С. 11.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 61 об.

³ М.С. Земельная политика Кабинета // Сибирские вопросы. 1911. № 28–29. С. 8–14.

⁴ М.С. «Государево дело» на Алтае // Русское богатство. 1912. № 1. С. 1–32.

статья автора была помещена в мае 1912 г. в журнале «Современный мир»¹. Последняя выявленная статья автора появилась в газете «Речь» 10 июня 1912 г.² Первые три журнальные статьи были построены по одной схеме. Все они содержали одинаковый набор обвинений в адрес земельной политики Кабинета на Алтае, состоявший из двух элементов: упрощения межевых работ в ходе землеустройства и принудительного изъятия и обмена округом у населения боровых выгонов и покосов. На основе этой схемы каждая статья ставила в центр внимания различные проблемы. В первой статье выделенные обвинения доказывали произошедшее с 1908 г. изменение политики Кабинета в целях соблюдения его интересов в ущерб населению «путем полного пренебрежения законов». Вторая статья детально раскрывала каждое из двух основных обвинений, показывая методы их реализации путем осознанного нарушения закона чинами землеустройства с целью развития арендного хозяйства Кабинета в округе. Третья статья детализировала два обвинения конкретными фактами и примерами, показывая, что в интересах Кабинета действует также и общее присутствие Томского губернского управления при утверждении проектов наделов. Поэтому данные статьи можно рассматривать как целенаправленную информационную борьбу против Кабинета.

Наибольший интерес и ответную реакцию со стороны окружного и кабинетского руководства вызвала вторая статья, помещенная в журнале «Русское богатство». Это издание имело достаточную популярность и широкое распространение благодаря своему тиражу (10 тыс. экз.)³. Характер статьи, содержавшей развернутую критику земельной политики Кабинета с привлечением многочисленных выдержек из делопроизводственных материалов, делал весьма нежелательным для Кабинета её появление в подобном издании. Эту информационную опасность статьи вполне осознавали ведомственные руководители. Заведующий Алтайским землеустройством П. М. Юхнев отмечал, что «для читателя статьи... она может показаться вполне обоснованной и может поселить убеждение, что землеустройство Алтайского округа с 1908 г. действительно вступило на путь беззакония»⁴. Данное заявление было сделано спустя некоторое время после выхода статьи, хотя ведомственное руководство сразу же обратило на неё внимание. Однако первое письмо П. М. Юхнева Е. Н. Волкову, датированное 9 февраля 1912 г., не отражало беспокойства выдвинутыми обвинениями в целом, а касалось огласки в статье одного из документов, который мог быть использован для дальнейшей критики Кабинета. Никаких предложений по подготовке опровержения

¹ М.С. На Алтае // Современный мир. 1912. № 5. С. 253–264.

² Соколов М. К последнему запросу // Речь. 1912. 10 (23) июня.

³ Махонина С. Я. История русской журналистики. С. 141.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 77 об. – 78.

статьи в письме не предлагалось¹. Очевидно, управляющий Кабинетом, занятый разворачивавшейся борьбой с «Дальневосточным обозрением», не посчитал это своевременным, и предоставил П. М. Юхневу только «право печатания данных, относящихся к поземельному устройству населения Алтайского округа и имеющих общий интерес». Заведующий Алтайским землеустройством уже в конце февраля 1912 г. предложил план изданий для информирования о землеустройстве преимущественно количественными показателями, при помощи которых «сами собой исчезнут все нелепые нападки печати на какие-то особые узковладельческие стремления Кабинета». Однако создания специального опровержения на статью М. С. опять не предусматривалось. Одобрение предложенного плана изданий в апреле 1912 г. также достаточно обтекаемо сформулировало характер предполагаемых печатных материалов: «Относительно поземельного устройства в Алтайском округе»². Таким образом, несмотря на более значимую информационную угрозу статьи «Русского богатства» по сравнению с публикацией в «Дальневосточном обозрении», руководство Кабинета не заявляло необходимости в подготовке опровержения на эту статью и его публикации в журнале.

Пока П. М. Юхнев и Е. Н. Волков согласовывали издательскую деятельность Алтайского округа по освещению землеустройства, М. Соколов продолжил публицистическую деятельность, представив в мае 1912 г. новую статью в не менее популярном журнале «Современный мир». Однако она вновь не повлияла на принятие Кабинетом решения о подготовке опровержений на публикации её автора. Возникшее затишье всколыхнул экстренный запрос 33 членов Государственной думы министру внутренних дел в последний день думской сессии 9 июня 1912 г. Формально он касался нарушений землеустроительного закона Томским губернским присутствием в интересах Кабинета. Фактически же он поднимал проблему кабинетской земельной политики на Алтае. Текст запроса был основан на фактах, взятых из статей М. Соколова³. Запрос не остался без внимания в центральной прессе, а в газете «Речь» в связи с ним появилась новая статья М. С., подписанная его полной фамилией. В ней он обобщал свои выводы о земельной политике Кабинета, «прямо противоположной интересам населения», целью которой он называл увеличение доходов Кабинета путем создания принудительно-арендных отношений⁴.

В изменившейся информационной обстановке уже 14 июня 1912 г. П. М. Юхнев представил на рассмотрение управляющего Кабинетом бро-

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 67 – 67 об.

² Там же. Л. 71 об. – 72 об., 74а.

³ Там же. Д. 1440. Л. 1–2.

⁴ Соколов М. К последнему запросу // Речь. 1912. 10 (23) июня.

шюру с опровержением статьи «Русского богатства»¹. В сопроводительном письме заведующий землеустройством главную задачу опровержения видел в защите «чести мундира» чинов землеустройства и Кабинета. Однако, отмечая информационную опасность статьи М. С. для читателей, П. М. Юхнев изначально не предусматривал возможность широкого распространения опровержения даже в условиях появления новых статей в прессе и думского запроса, полагая распространить его лишь «в тех кругах, то или иное отношение которых к землеустройству не считаю для себя безразличным»². Только 27 сентября 1912 г. Кабинет ответил отказом на издание представленной брошюры-опровержения на статью М. С., объясняя это значительным временем, прошедшим после её выхода в журнале. В дополнительном объяснении Е. Н. Волкова также указывалось, что проект опровержения написан «слишком специально» и не будет понятен большинству членов Думы³. В результате, все опубликованные статьи М. Соколова так и остались без печатного опровержения со стороны Кабинета.

Вместе с тем, отказ от опровержения статьи «Русского богатства» не свидетельствовал о безразличии руководства Кабинета к возникшей информационной борьбе. Еще в начале 1912 г. после появления первых статей Е. Н. Волков заявил, что все нападки прессы на Кабинет ему давно известны, «как и происхождение этих нападков»⁴. Возможно поэтому появление статей М. Соколова не вызвало поначалу активного противодействия. Еще в 1911 г. руководством Кабинета было установлено, что в появлении в алтайских и сибирских газетах критических антикабинетских публикаций руководящая роль принадлежала бывшему помощнику начальника Алтайского округа А. В. Розанову, уволенному в октябре 1909 г. Именно с того времени «началась критика Кабинета как учреждения, преднамеренно не считающегося с интересами населения и ведущего в отношении последнего исключительно корыстную политику»⁵. «Удивительная злоба» и личная месть А. В. Розанова Кабинету привели к ухудшению отношений населения с округом и дискредитации ведомства. Заручившись при помощи антикабинетских публикаций поддержкой населения, по мнению Кабинета, его бывший служащий рассчитывал взять в свои руки «чрезвычайно выгодное ведение судебных дел против Кабинета»⁶.

¹ Юхнев П. М. Ответ на статью М.С. «Государево дело на Алтае». Барнаул, 1912. // Научно-справочная библиотека ГААК. Инв. № 2957.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1362. Л. 77 об. – 79.

³ Там же. Л. 81, 82.

⁴ Там же. Л. 61.

⁵ Там же. Ф. 1291. Оп. 84 (1912 г.). Д. 192 б. Л. 314.

⁶ Там же. Л. 319.

Эти выводы оказались востребованными при попытке ведомства объяснить необычайную активность публицистической деятельности М. Соколова. Её причины попытался вскрыть В. П. Михайлов в секретном мнении в адрес Е. Н. Волкова. Соображения начальника Алтайского округа не являлись развитием информационной борьбы с журналами и были написаны в ответ на запрет обсуждения июньского запроса Государственной думы при его оглашении в общем присутствии Томского губернского управления в сентябре 1912 г. Рассмотрев содержание запроса, В. П. Михайлов доказал, что «связь между статьями Соколова и запросом Думы несомненна». Сама же деятельность М. Соколова полностью направлялась А. В. Розановым и его окружением. Поэтому смысл всей антикабинетской критики в прессе В. П. Михайлов сводил к извлечению «М. Соколовым и К^о» крупной выгоды за составление разных прошений населения против Кабинета¹. Этот вывод свидетельствовал об отказе признать социальную сторону проблемы, заявленную автором статей, и фактически сводил публикации М. Соколова к факту личного противостояния с Кабинетом. Поэтому, как и в случае с делом А. В. Розанова, публикации М. Соколова удобнее было посчитать сугубо ведомственным делом, не подлежащим огласке. «Лишним» звеном оказывались только депутаты, подписавшие запрос, поскольку они помогли «М. Соколову и К^о» спутать общественную мысль и внести смуту в население. Поэтому В. П. Михайлов, разбирая в записке думский запрос, основанный на статьях М. Соколова, фактически выступил с их развернутым опровержением. Были опровергнуты обвинения в получении выгоды от землеустройства, в намеренном его ускорении, в стремлении создать из отрезков выгодные оброчные статьи и в намеренном ограничении лесных наделов крестьянам. Основные доводы начальника округа сводились к тому, что «алтайское землеустройство всегда считалось с формальным велением закона», а само мероприятие «делается не для одного года» и рассчитано на длительные хозяйственные перспективы². Эти подробные опровержения В. П. Михайлова, носившие секретный характер, логически завершили так и не состоявшуюся гласную полемику Кабинета в отношении статей М. Соколова.

Таким образом, насыщенная информационная борьба против земельной политики Кабинета в 1912 г. завершилась парадоксальной ситуацией: статья, составленная из газетных выдержек, получила печатное опровержение ведомства спустя полтора года даже после закрытия критиковавшего органа печати, а серия статей резко критической направленности, написанная с опорой на документы и послужившая основой для запроса в Государственной думе, так и осталась без ответа со стороны Кабинета. Сопоставление

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1440. Л. 76 об., 77 об.

² Там же. Л. 78 – 85 об.

хронологии развития двух линий борьбы в прессе против политики Кабинета показывает, что в период с июня по август 1912 г., со времени получения Е. Н. Волковым проекта опровержения на статью в «Русском богатстве» до предоставления им разрешения печатать ответ на публикацию «Дальневосточного обозрения», у управляющего Кабинетом была возможность выбора из двух статей. Приоритет в пользу опровержения «Дальневосточного обозрения» был, очевидно, отдан по причине состоявшегося закрытия журнала, вследствие чего его редакция уже не имела возможности вступить в дальнейшую полемику с Кабинетом и управлением Алтайского округа. Е. Н. Волкова в данном случае не смутила ни мнимость полемики с закрытым журналом, ни длительный срок, прошедший после выхода статьи. Поэтому последняя причина, послужившая отказом для опровержения статьи «Русского богатства» может рассматриваться как прикрытие нежелания Кабинета продолжения открытых дискуссий, которые могли обеспечить широкая аудитория журнала и актуализация статьи думским запросом. Кабинет даже не рассматривал вопрос о возможности публикации ответа на статью в самом «Русском богатстве». Это подтверждает и признание Е. Н. Волкова, обосновавшее отказ печати опровержения в виде брошюры тем, что содержащийся в нем ответ на все частные обвинения «может дать обильный материал для новых тенденциозных статей в прессе». Поэтому включение Кабинета в начатую против него информационную борьбу вряд ли следует рассматривать как реальное действие по широкому отстаиванию своей позиции. Мероприятия Кабинета в информационной полемике с журналами определялись противоположной тенденцией – стремлением к недопущению развертывания дальнейшей дискуссии.

В целом, информационная борьба против земельной политики Кабинета на Алтае, развернувшаяся в журнальной прессе в 1911–1912 гг., не являлась случайной и была вызвана накоплением определенной «критической массы» негативных фактов, повсеместного недовольства населения Алтая, выражавшихся ранее на страницах газет. Широкие обобщения и обвинения в адрес кабинетского руководства и чиновников, скомпилированные в «Дальневосточном обозрении» из материалов газет, заставили руководство ведомства перейти к информационной защите. Только подобная неординарная публикация вынудила выступить Кабинет и управление округа с ответом, не акцентируя при этом внимание на особо острых и жестких принципах проводимой политики. Однако информационная борьба против Кабинета характеризовалась также второй линией его обвинений, представленной в серии статей М. Соколова, ставших основой для последующего думского запроса. Это направление существенно осложнило принятие информационных контрмер Кабинетом, поскольку напрямую затрагивало сугубо ведомствен-

ные дела, не предполагавшие широкой огласки. В итоге, в сложившихся к августу 1912 г. условиях Кабинет фактически отказался от активного информационного противостояния всем журнальным публикациям и предпочел не допускать дальнейшего расширения полемики, ограничившись изданием малотиражной брошюры-опровержения на закрытое «Дальневосточное обозрение». Поэтому вынужденная активизация ведомственного руководства в ответ на публикации журналов вряд ли стала полноценной информационной борьбой, поскольку не предусматривала и даже пресекала возможность для развития диалога между обществом и кабинетским ведомством. Действия Кабинета по мере развития информационного наступления журналов приобретали характер защиты принципов окружной земельной политики, не предполагавшей их выход за пределы делопроизводственной документации и доведение их до широких масс населения. Это свидетельствовало о нежелании Кабинета использовать информационные возможности прессы, довольствуясь традиционной закрытостью ведомства как наиболее удобным способом защиты от информационного наступления. Поэтому можно утверждать, что в информационной борьбе с журнальной прессой в 1912 г. Кабинет потерпел поражение.